

ПОЛИТИЧЕСКОЕ УЧАСТИЕ МАЛОГО БИЗНЕСА КАК СТРАТЕГИЯ ЗАЩИТЫ СОБСТВЕННОСТИ В РОССИЙСКИХ РЕГИОНАХ

М.М. САКАЕВА,

аспирантка,
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
г. Сыктывкар, Республика Коми,
e-mail: eu.sakaeva@gmail.com

В статье через призму теории прав собственности (на примере двух российских регионов) рассматривается минимизация рисков ведения бизнеса предпринимателями с депутатским мандатом. Прямое участие в политике анализируется как одна из стратегий защиты прав собственности, а другие стратегии, описанные в литературе, подвергаются критическому анализу. Проверяется положение о том, что приход представителей малого и среднего бизнеса в органы законодательной власти в регионах обусловлен нестабильностью институциональной среды и слабой государственной защитой частного собственника. Количественные данные о масштабах присутствия предпринимателей в парламентах регионов дополнены качественным исследованием практик обеспечения гарантий прав собственности этими участниками рынка. Сделан вывод о том, что сопряженные с депутатским статусом ресурсы и возможности позволяют снизить уязвимость предпринимателей в поле рынка и политики.

Ключевые слова: права собственности; малый бизнес; власть; экономика регионов; рейдерство; защита.

POLITICAL PARTICIPATION OF SMALL BUSINESS AS THE STRATEGY OF PROTECTING PROPERTY IN RUSSIAN REGIONS

M.M. SAKAEVA,

PhD student,
National Research University – Higher School of Economics,
Syktyvkar, Komi Republic,
e-mail: eu.sakaeva@gmail.com

The article is about the ways entrepreneurs with deputy status use in order to minimize market and nonmarket risks. The research was based on property rights theory and focus on small and middle business in the case of two Russian regions. Author views political participation as the strategy of property rights protection. Other strategies were critically analyzed. High rate of entrepreneurs in regional and municipal parliament is explained by unstable institutional environment and weak state protection of property rights. The main conclusion is that resources and opportunities, connected with deputy status, let entrepreneurs to reduce their vulnerability.

Keywords: property rights; small business; power; regional economics; raiding; protection.

JEL classifications: K4, H3, H7.

Введение

Признанным является положение о том, что государство в России не спешило с разработкой защищающих бизнес законов и институтов, а права собственности в нашей стране плохо защищены (Волков, 2005). В меньшей степени это касается крупного бизнеса. Как отмечает Н. Флигстин (Флигстин, 2003. С. 50), в переходных экономиках государство вынуждено вырабатывать такие правила относительно прав собственности, которые «стабилизируют рынки для наиболее крупных фирм». В таких условиях класс малых и средних предпринимателей вынужден самостоятельно обеспечивать свою безопасность.

Эта статья посвящена политическому участию представителей малого и среднего бизнеса, которое рассматривается как стратегия по обеспечению безопасности прав собственности в российских регионах. Отправной точкой проведенного исследования стало предположение о том, что значительная доля предпринимателей в составе депутатских собраний регионального и местного уровней отражает неблагоприятную ситуацию с реализацией прав собственности.

Теория и методы. Незащищенность прав собственности как главное препятствие экономическому росту и частному предпринимательству оценивали представители новой политической экономики. Они предлагали разные подходы к правам собственности. Здесь используется тот, который рассматривает государство в качестве главного источника угроз для собственника. Основная идея: если представители государства могут использовать институты по своему усмотрению, даже в случае высокого профессионализма и низкой степени коррумпированности чиновников, частная собственность плохо защищена. Исследователи подчеркивали, что собственники должны быть реально защищены от рисков со стороны государственных и частных агентов (North, Weingast, 1996; Weimer et al., 1997; Robinson, 1998).

Государство как угрозу для российского бизнеса рассматривали сторонники модели «захват бизнеса государством» (Yakovlev, Zhuravskaya, 2006). Две другие признанные модели отношений государства и бизнеса: «захват государства бизнесом» (Hellman et al., 2000) и «обмен между властью и бизнесом» (Frye, 2002a). В данной статье предпринята попытка оценить «захват», «обмен» как стратегии по защите прав собственности. Соответственно, решение предпринимателя избираться в законодательное собрание (регионального или муниципального уровня) оценивается как стратегия самостоятельной защиты реализации прав и обеспечения стабильных условий ведения бизнеса.

Эмпирической базой исследования послужили глубинные полуструктурированные интервью в Санкт-Петербурге и Сыктывкаре с представителями бизнеса, которые совмещают или совмещали депутатскую деятельность с предпринимательской¹. В силу закрытости темы и высокого статуса изучаемой группы интервью проводились преимущественно с представителями малого и среднего бизнеса. Поэтому результаты не распространяются на крупный бизнес, который, по оценкам опрошенных экспертов, формирует специфические отношения с властью. Интервью также проводились с экспертами, в силу профессионального опыта знакомыми с предметом. Выход на информантов (из соображений безопасности их имена не раскрываются) осуществлялся, как правило, по личным рекомендациям.

Для сбора данных о доле представителей бизнеса в региональных парламентах Северо-Запада (электоральный цикл 2003–2007 гг.) использованы электронный ресурс «Российская электоральная статистика» (db.irena.org) и сайты региональных избирательных комиссий. Также конструировались биографии депутатов на основе публикаций в СМИ.

Стратегии защиты собственности: разработанность темы

Частная защита. Как пишет В. Волков (Волков, 2005. С. 78), в 1990-х гг. «в условиях фактического коллапса государственной власти, в том числе системы правосудия и правоохранительных органов, большие сегменты возникавших рынков контролировались частными силовыми структурами».

¹ Согласно российскому законодательству, до 2013 г. все депутаты региональных и муниципальных собраний имели право совмещать работу в парламенте и бизнес-деятельность. В 2013 г., в рамках антикоррупционной политики, были введены законодательные ограничения, запрещающие депутатам вести любую коммерческую деятельность. Но данное ограничение касается только депутатов, работающих на так называемой освобожденной основе. В 2014 г. муниципалитеты повсеместно стали принимать законы о переводе депутатов на непостоянную основу, что позволяет им вести коммерческую деятельность.

Этот автор подробно изучил специфичные формы частной защиты собственности в России и предложил понятие «силовое предпринимательство» (Волков, 2002). Он выделял «крыши» бандитские, милицейские и коммерческие. Есть мнение, что «бандитская крыша» была первичной формой защиты собственности в России, поскольку предпринимательство зародилось еще в СССР и по объективным причинам развивалось «подпольно» (Латов, 2003).

В посткоммунистических обществах сложилась не просто система частной защиты, а «экономика рэкета». Ю. Латов определяет ее как такой тип экономики, где рыночные обмены и операции между агентами возможны только при контроле выполнения обязательств со стороны третьих лиц, деятельность которых носит неформальный и даже криминальный характер. Т. Фрай (Frye, 2002b. P. 572) считает появление рэкета одним из наиболее удивительных результатов трансформации посткоммунистических экономик. Опрос малых предпринимателей в России и Польше в конце 1990-х гг. показал, что фактором спроса на частную защиту является произвольное применение правил со стороны представителей государства и их рентоориентированное поведение (Frye 2002b. P. 573). То есть из защитника государство превращается в грабителя. Два этих взгляда на государство восходят еще к Т. Гоббсу и Дж. Локку².

Через призму концепции контроля Н. Флигстина (Флигстина, 2003) покупку услуг частных правоохранителей можно рассматривать как способ стабилизации рынка. В бизнесе существовали представления о том, что «крыши» эффективнее государственной защиты. Нельзя не сказать, что спрос на «крыши» был связан и с теневым характером российского бизнеса. Как пишет А. Портес (Портес, 2003. С. 41), в неформальной экономике нет места государству, поскольку для него этот сектор невидим. Обратное правило гласит, что легальный бизнес логичным образом требует легальных способов защиты. Не случайно по мере легализации бизнеса, в конце 1990-х – начале 2000-х годов, спрос на бандитские «крыши» начал падать (Волков, 2002).

Среди факторов легализации бизнеса В. Радаев (Радаев, 2003) выделил благоприятную конъюнктуру рынка, конкуренцию западных компаний и ужесточение государственного контроля соблюдения правил. Легализация бизнеса совпала с активизацией прямого, институционально оформленного участия бизнеса в политике. Есть основания предполагать, что эти процессы обусловили друг друга.

Прямое участие в политике. Участие бизнеса в политике бывает прямым и косвенным (Барсукова, Звягинцев, 2006). Прямое участие подразумевает приход представителя бизнеса в органы исполнительной и законодательной власти, когда он занимает государственную должность. Косвенное участие варьируется – от финансирования избирательной кампании политической партии до лоббирования интересов фирмы через должностное лицо за определенное вознаграждение.

Собранные нами количественные данные о составе парламентов Северо-Запада показывают тенденцию прихода представителей бизнеса в политику и в случае с законодательной властью. В приложении 1 в процентах представлена доля предпринимателей в парламентах Северо-Запада: в шести из одиннадцати регионов они занимают половину и более депутатских мест. Цифры подтверждают зафиксированный тренд увеличения доли предпринимателей в составе законодательных собраний регионов. Так, Л. Романова в газете «Ведомости» в 2006 г. (Романова, 2006) представила сравнительную таблицу доли предпринимателей в девяти регионах России, избранных в 2000–2001 гг. и в 2006 г. соответственно. Оказалось, что в среднем бизнес занимает около половины мест.

Экспансия и захват. Очередной этап передела собственности в регионах в начале 2000-х гг., обернувшийся для одних участников защитой собственности, а для других ее отъемом, описал В. Волков (Волков, 2005). Н. Зубаревич обозначила передел как экспансию крупного бизнеса в регионы. В некоторых регионах, отмечает автор, в начале 2000-х гг. снизились гарантии безопасности собственности, при этом залогом стабильности бизнеса была не только экономическая экспансия, но и налаженные отношения с губернатором (Зубаревич, 2005).

² Т. Гоббс видел задачу государства в наделении судов, полиции и бюрократии ресурсами, достаточными для защиты собственников от частных «агрессоров». Напротив, Дж. Локк видел в государстве не столько защитника, сколько главный источник опасности для собственника. Английский либерал еще в XVII в. противопоставил гоббсовскому «защищающему» государству – «грабительское», не подконтрольное гражданам.

Среди ожиданий «равноудаления» бизнеса и государства было снижение захвата государства (state capture). Как показали исследования Е. Яковлева и Т. Журавской законотворческой деятельности региональных парламентов в начале 2000-х гг. (Yakovlev, Zhuravskaya, 2004), захват государства (а именно влияние на законодательный процесс) оставался ведущей стратегией реализации бизнесом своих интересов. Анализ решений, принятых законодательными собраниями регионов в интересах различных фирм, показал, что наиболее активными и эффективными захватчиками являются члены финансово-промышленных групп.

Обмен. Т. Фрай установил, что бизнесу в регионах приходится платить немалую цену за успех на рынке: успешные лоббисты финансово поддерживают регион, получая возможность влиять на процесс принятия решений. В то же время они сталкиваются с коррупцией и недобросовестной конкуренцией (Frye, 2002a. P. 1024).

Предметом обмена со стороны региональной власти является контроль «входа» на рынок (Олейник, 2008. С. 88). Собственник же должен финансировать инициативы власти, от социальных до коммерческих, порой под давлением власти. Эту систему дополнительных поборов с бизнеса А. Олейник назвал «налоги+», где региональные власти практикуют грабительскую стратегию в отношениях с бизнесом.

В заключение этого обзора нужно отметить следующее. Ситуацию в отношениях между бизнесом и властью в российских регионах описывают как двоякий процесс. С одной стороны, государство во многом подменило рынок, с другой, бизнес осуществлял захват государства. С одной стороны, представители бизнеса не только лоббируют свои интересы в органах власти регионов, но и напрямую участвуют в политике. С другой стороны, региональные власти доминируют в определении правил игры на рынке. Этот контроль, чрезмерный в одних вопросах и недостаточный в других во многом и определяет высокий спрос предпринимателей на депутатский статус.

Теперь перейдем к результатам эмпирического исследования того, каким образом депутатский мандат позволяет предпринимателям преодолевать препятствия в реализации прав собственности и даже защищаться от захватов.

Депутатский мандат и реализация прав собственности

Прямое участие предпринимателей в политике через избрание в состав депутатских собраний можно оценивать как стратегию обеспечения своих интересов. Главный интерес для собственника, как было указано выше, представляют стабильные условия реализации прав собственности.

Предприниматели с депутатским мандатом, в отличие от других участников рынка, самостоятельно минимизируют возникающие для бизнеса риски за счет того, что политический статус и вытекающие из него возможности позволяют избегать «правил для всех». Под «правилами для всех» мы будем понимать специфические для России нормы, ограничения и риски, с которыми повсеместно сталкиваются представители малого и среднего бизнеса. Подобно тому, как спрос на частные структуры защиты бизнеса исследователи объясняли слабостью институтов государства, мы оцениваем приход малых и средних предпринимателей в парламент как ответ на неблагоприятные условия среды.

1. Правило очереди. Угрозы правам собственности можно разделить на две группы: препятствия реализации права и отъем собственности. Центральное место в структуре угроз реализации прав занимают контролирующие органы, поскольку они создают административные барьеры. Регистрация, лицензирование, сертификация и разрешительные процедуры – на все это предприниматель тратит много времени, усилий и денег. Волокита является системной характеристикой бюрократического аппарата. Ускорить процесс могут связи с представителями власти. Но, как показывают исследования, на выстраивание сетей, на включение в клуб «своих» тоже нужны время и усилия (Левин, Курбатова, 2011. С. 52–53).

Депутаты в силу статуса не тратят дополнительных ресурсов для доступа к «нужному человеку»³. Мандат – это входной билет практически в любой кабинет, поскольку депутата «обязаны принимать». Обозначается этот ресурс по-разному: «прямое общение», «открытые двери», «облегчен-

³ Далее по тексту курсивом в кавычках выделены цитаты и фрагменты интервью с информантами.

ный доступ», «дополнительный аргумент». Депутат получает не только доступ к должностному лицу, но скорость принятия решения.

«Я звоню и говорю, что я депутат. Я не должен говорить, что меня знает Петька или Мария Ивановна. Вот истекают сроки каких-то справок... Нужно подписать до 1 мая, а у них там чиновник уехал. Они будут говорить: «Мы тут работаем, вы нам не мешайте». А позвонил депутат. И мне вежливо говорят: «Да, конечно, сейчас все посмотрим, поднимем, извините» (депутат городской думы С., предприниматель, Санкт-Петербург).

2. Правило неуважения. Этот фрагмент интервью иллюстрирует неуважительное отношение чиновников к собственникам. Респонденты часто указывали, что государству в целом «плевать, есть предприниматели или нет», а чиновники «всех мелко видят, как надоедливую мишуру». Уважение к правам собственности и к правообладателям критично для развития рынков. В. Рикер и И. Сенед (*Riker, Sened, 1991*) подчеркивали значимость признания прав собственности со стороны представителей государства. Даже в условиях низкой коррумпированности и высокого профессионализма чиновников отсутствие признания прав собственности в качестве неприкосновенного объекта снижает уровень защиты прав (*Riker, Sened, 1991. P. 955*). А. Якобс (*Jacobs, 2005*) утверждал, что когнитивный фактор, т. е. восприятие, не менее важно, чем законодательное закрепление права собственности. Чиновник или политик воспринимает депутата как своего: играет роль взаимная идентификация, принадлежность к одной социальной группе. Поэтому при решении вопросов бизнеса стороны легко находят общий язык, чего нельзя сказать об обычном малом предпринимателе. Как сказал один из депутатов законодательного собрания Санкт-Петербурга, бизнесмен, «ворон ворону глаз не выклюет».

3. Правило произвольности. Эмпирические исследования малого предпринимательства в России фиксируют широкое распространение нецелевого использования институтов (*Полищук, 2008*). В частности, оно проявляется в произвольности применения правил со стороны контролирующих органов, когда предприниматель формально всегда может оказаться нарушителем закона. Как заключила Э. Панеях, устройство налоговой системы в России оставляет предпринимателя или нарушителем, или должником (*Панеях, 2008*). Кемеровские исследователи выявили такой алгоритм действий государства в отношении малого бизнеса: создание невыполнимых норм и правил, селективный контроль выполнения. Такая система ориентирована на давление на бизнес в целях взимания дополнительных доходов в пользу муниципалитета или региона (*Курбатова и др., 2005*).

Как отмечали наши информанты, в ситуации, когда «придраться всегда могут», «а в суде мало что докажешь», трудно защищать свои интересы. Предприниматели с депутатским мандатом здесь более успешны. Играет роль не только политический статус («своих меньше трогают»), но и социальный фактор: используются связи и контакты с «нужными» людьми, налаженные в ходе депутатской деятельности.

«Трогают и проверяют. Но связи появляются, в налоговой, пожарной. Я могу представиться, что я депутат. Проще попросить, чтобы глаза закрывали на что-то. Если ты депутат, есть вариант для дискуссии, ты можешь, по крайней мере, с ними поговорить» (депутат городского совета 2, предприниматель, Сыктывкар).

Предприниматели с мандатом более успешны в накоплении социального капитала, т. е. в создании и поддержании устойчивых сетей отношений с политиками и чиновниками. Благодаря им фирма может избежать штрафов за реальные нарушения, но что важно, только в случае их незначительности. Также к ним реже применяется правило произвольности, т. е. меньше вероятность попасть под необоснованные санкции.

«Никогда не разберешься с этими правилами пожарной безопасности. Вот 1,20 м положение. В этом году изменилось – 1,30 положено. Что мне теперь, коридор расширять? Ну, находим. Опять же вот по личным связям. Приду к начальнику. Да, говорит он, разберемся, давай, это ерунда. Вызовет того: давай там, сделай. А можно 50 тысяч штрафа наложить» (депутат городского совета 1, предприниматель, Сыктывкар).

4. Правило «налоги+». В системе «налоги+» депутат относительно свободен в выборе – платить или не платить. Совсем отказываться от платежей невыгодно, это инвестиции в репутацию, которые в будущем могут принести дивиденды.

«На добровольных началах. Сможешь? – спрашивают. Я говорю – смогу. Это влияет на отношение со стороны администрации. Иногда говорю, что не смогу. Вот недавно был праздник городской, я денег не давал, не было у меня» (депутат городского совета 1, предприниматель, Сыктывкар).

5. Правило отъема. Отъем собственности, или рейдерство, является серьезной угрозой реализации прав собственности. Статистика рейдерских захватов хорошо известна⁴. Но мало изучено, кто, что и как захватывает. По информации наших респондентов, рейдерство практикуют высокопоставленные **чиновники**: *«откатов и взятки им теперь мало, сами хотят владеть»*. Вторая группа – это **силовики**: МВД, ФСБ, армия. В обоих городах указывали на существенный спрос силовиков на захват собственности.

«Тогда в 1990-х боялись рэкетиров. Они у меня машину поджигали, угрожали. Сейчас кто? Вот эти – с погонами. Они страшнее в миллион раз, чем любой рэкетир. Вот у тебя завод, например. Звонит тебе полковник со словами: «Если не отдашь, я тебя посажу. Наркотики в карман, все что хочешь» (депутат городского совета 2, торговый бизнес, Сыктывкар).

Объектом отъема является не любая фирма, а только та, которая *«перешла определённую планку доходной части, бизнес может быть кому-то интересен»*. Методы отъема варьируются – от юридических махинаций до фабрикация уголовных дел. В целом у депутата, в силу его включенности в структуры власти, высоки шансы не быть включенным в список жертв рейдеров. Они могут оказать более эффективное сопротивление в случае посягательства: используются связи и поддержка власти.

«Я довольно долго могу упираться. Я все-таки публичная фигура. Я тут работаю уже сколько лет... Меня не так-то просто задавить» (депутат Законодательного собрания Санкт-Петербурга С., предприниматель).

«Потому что все-таки председатель организации, на мероприятиях на всех, то есть побаивались. Я с главой администрации знаком. Почему побаивались? Отобрать невозможно у меня. Потому что у меня уже имя было, боялись, что я по каким-то связям могу пожаловаться, могу на личном контакте обратиться куда-то» (депутат городского совета 1, предприниматель, торговля, Сыктывкар).

Во многом депутатский статус заменяет институт частной защиты. Напомним, что Т. Фрай выделял такие функции частных охранников, как защита от других рэкетиров и принуждение к соблюдению контрактов (Frye, 2002b. P. 571–573). Преимущества депутатского статуса очевидны: отсутствие финансовых издержек и самостоятельное решение вопросов.

6. Правило нечестной конкуренции. С. Барсукова (Барсукова, 2011. С. 46) среди прочих выдвигает для крупного бизнеса, приближенного к власти, отмечала государственные заказы и субсидии в нарушение конкурсных условий. Действительно, бизнесмены с депутатским мандатом, по сравнению с другими участниками рынка, занимают привилегированную позицию. Не очевидными оказались мотивы. Бизнесмен стремится получить государственный заказ, поскольку, в отличие от частной стройки, он гарантирует надежность вложений и соблюдение контракта со стороны заказчика. Это особенно подчеркивали эксперты в Санкт-Петербурге: *«Если горбюджет заказал работы – это значит, что заказчик не сбежит, он заплатит»*.

Заключение

Ситуация с правами собственности, особенно для малого и среднего бизнеса, обстоит таким образом, что экономические агенты ориентируются на самостоятельную защиту своих интересов. В данном случае, посредством деятельности в поле политики. Предприниматели целенаправленно идут в политику, несмотря на сопряженные с этим затраты времени, усилий и даже денег. Поскольку формальные институты (законы и правовые нормы, соглашения и контракты) недостаточны для

⁴ Е. Бодрова ссылается на такие данные. «По данным ученых Санкт-Петербургского юридического института Генпрокуратуры РФ, обобщивших сведения консалтинговых агентств, по состоянию на 17 октября 2008 г. ежегодно в стране совершалось 60–70 тыс. рейдерских атак. Согласно информации Счетной палаты РФ, только в Москве, где было сосредоточено большинство мощных рейдерских структур, менее чем за 5 предшествующих 2008 г. лет свыше 1 200 предприятий испытали на себе недружественный захват. Такая же участь ожидала в 2008 г. еще около 4 тыс. предприятий, которые находились в разработке рейдеров. А в целом, согласно сделанному экспертами выводу, в стране фактически не было ни одного хозяйствующего субъекта, который мог бы считать себя в полной безопасности». Подробнее см.: (Бодрова, 2014. С. 42).

обеспечения стабильного развития бизнеса, а риски экономической деятельности порой можно устранить только будучи приближенным к власти.

Складывается парадоксальная ситуация, при которой для собственника эффективным способом избежать рисков, производимых государством и его представителями, является фактическое включение в число агентов государства. Иными словами, будучи уязвимыми перед лицом государства, произвольно применяющего правила и не способного создать равные и безопасные условия ведения бизнеса, предприниматели укрепляют ситуацию неравенства на рынке: доминирующее положение занимают приближенные к власти собственники.

ЛИТЕРАТУРА

Барсукова С. (2011). Теневые правила взаимоотношений политиков и предпринимателей // *Журнал институциональных исследований*, т. 3, № 3, с. 40–56.

Барсукова С., Звягинцев В. (2006). Механизм «политического инвестирования», или Как и зачем бизнес участвует в выборах и оплачивает партийную жизнь // *Политические исследования*, № 2, с. 110–121.

Бодрова Е. (2014). Рейдерство как фактор дестабилизации российской экономики // *Власть*, № 4, с. 41–45.

Волков В. (2002). Силовое предпринимательство. СПб.: Летний сад.

Волков В. (2005). Дело Standard Oil и дело ЮКОСа // *Pro et Contra*, № 2, с. 66–91.

Зубаревич Н. (2005). Крупный бизнес в регионах России: территориальные стратегии развития и социальные интересы. Аналитический доклад. М.: Поматур.

Курбатова М., Левин С., Апарина Н. (2005). Взаимодействие власти и бизнеса на муниципальном уровне: практики, сложившиеся в Кемеровской области // *Экономическая социология*, т. 6, № 2, с. 50–69.

Латов Ю. (2003). «Экономика рэкета» в постсоветской России // *Интернет-конференция «Поиск эффективных институтов для России XXI века»*. Доступно на: <http://ecsocman.hse.ru/text/16214862/>.

Левин С., Курбатова М. (2011). Сетевые взаимосвязи российского бизнеса: деловая коррупция и органический институт реальной модели институциональной организации российской экономики // *Журнал институциональных исследований*, т. 3, № 2, с. 50–69.

Олейник А. (2008). Рынок как механизм воспроизводства власти // *Pro et Contra*, № 2–3, с. 88–107.

Панеях Э. (2008). Правила игры для российского предпринимателя. М.: Колибри.

Полищук Л. (2008). Нецелевое использование институтов: причины и следствия // *Вопросы экономики*, № 8, с. 28–45.

Портес А. (2003). Неформальная экономика и ее парадоксы // *Экономическая социология*, т. 4, № 5, с. 34–53.

Радаев В. (2003). Российский бизнес на пути к легализации // *Неприкосновенный запас*, № 3, с. 64–70.

Романова Л. (2006). Революция управляющих // *Ведомости*, № 34, 7 ноября.

Флигстин Н. (2003). Рынки как политика: политико-культурный подход к рыночным институтам // *Экономическая социология*, т. 4, № 1, с. 45–63.

Frye T. (2002a). Capture or Exchange? Business Lobbying in Russia // *Europe-Asia Studies*, vol. 54, no. 7, pp. 1017–1036.

Frye T. (2002b). Private Protection in Russia and Poland // *American Journal of Political Science*, vol. 46, no. 3, pp. 572–584.

Hellman S., Geraint J., Kaufmann D. (2000). Seize the State, Seize the Day: An Empirical Analysis of State Capture and Corruption in Transition Economies // *Research Working Paper 2444*. World Bank, Washington, DC.

Jacobs A. (2005). A Matter of Trust: Cognition, Institutions and the Sources of Credible Commitment // *Research Working Paper*. Available at: <http://faculty.arts.ubc.ca/jacobs/Jacobs%20Matter%20of%20Trust%20APSA.pdf>.

North D., Weingast B. (1996). Constitutions and Commitment: the Evolution of Institutions Governing Public Choice in 17 Century England / In *Alston L., Eggertsson T., North D. (eds.) Empirical Studies in Institutional Change*. Cambridge University Press, pp. 134–166.

Riker W., Sened I. (1991). A Political Theory of the Origin of Property Rights: Airport Slots // *American Journal of Political Science*, vol. 35, no. 4, pp. 122–148.

Robinson J. (1998). Theories Bad Policy // *Journal of Political Reforms*, vol. 3, pp. 1–46.

Weimer D. (ed.) (1997). The Political Economy of Property Rights. Institutional Change and Credibility in the Reforms of Centrally Planned Economics. Cambridge University Press.

Yakovlev E., Zhuravskaya E. (2004). State Capture and Controlling Owners of Firms. Center for Economic and Financial Research // *Working paper* no. 44. Available at: <http://www.cefir.ru/index.php?l=rus&id=35&yf=2004>.

REFERENCES

Barsukova S. (2011). Shadow Rules in Relations between Politicians and Entrepreneurs. *Journal of Institutional Studies*, vol. 3, no. 3, pp. 40–56. (In Russian.)

Barsukova S. and Zviaginцев V. (2006). Mechanism of Political Investments or How and Why Business Participate in Elections and Finance Party Life. *Politicheskije Issledovania*, no. 2, pp. 110–121. (In Russian.)

Bodrova E. (2014). Rejderstvo as a Factor of Distabilisation of Russian Economy. *Vlast'*, no. 4, pp. 41–45. (In Russian.)

Fligstein N. (2003). Markets as Politics: A political-Cultural Approach to Market Institution. *Ekonomicheskaja Sociologia*, vol. 4, no. 1, pp. 45–63. (In Russian.)

Kurbatova M., Levin S. and Aparina N. (2005). Power-Business Relations on Municipal Level: Practices in Kemerov Region. *Ekonomicheskaja Sociologia*, vol. 6, no. 2, pp. 50–69. (In Russian.)

Latov U. (2003). Economics of Racket in Postsoviet Russia. *Internet Conference «Looking for Effective Institutions for Russia in 21 century»*. Available at: <http://ecsocman.hse.ru/text/16214862/>. (In Russian.)

Levin S. and Kurbatova M. (2011). Networks in Russian Business: Corruption and Institutions for Real Model of Russian Economy. *Journal of Institutional Studies*, vol. 3, no. 2, pp. 50–69. (In Russian.)

Oleynik A. Market as a Mechanism Power Reproduction. *Pro et Contra*, no. 2–3, pp. 88–107. (In Russian.)

Panejah E. (2008). Game Rules for a Russian Entrepreneur. Moscow. (In Russian.)

Polishhuk L. (2008). Nonobjective Using of Institutions: Reasons and Consequences. *Voprosy Ekonomiki*, no. 8, pp. 28–45. (In Russian.)

Portes A. (2003). Informal Economics and its Paradoxes. *Ekonomicheskaja Sociologia*, vol. 4, no. 5, pp. 34–53. (In Russian.)

Radaev V. (2003). Russian Business on the Way of Legalization. *Neprikosnovennyj Zapas*, no. 3, pp. 64–70. (In Russian.)

Romanova L. (2006). Revolution of managers. *Vedomosti*, no. 34, November 7. (In Russian.)

Volkov V. (2002). Violent Entrepreneurship. Saint Petersburg: Letniy sad Publ. (In Russian.)

Volkov V. (2005). Case of Standard Oil and Case of Ukos. *Pro et Contra*, no. 2, pp. 66–91. (In Russian.)

Zubarevich N. (2005). Large Business in Russian Regions: Territorial Development Strategies and Social Interests. Analytical paper. Moscow: Pomatur Publ. (In Russian.)

Frye T. (2002a). Capture or Exchange? Business Lobbying in Russia. *Europe-Asia Studies*, vol. 54, no. 7, pp. 1017–1036.

Frye T. (2002b). Private Protection in Russia and Poland. *American Journal of Political Science*, vol. 46, no. 3, pp. 572–584.

Hellman S., Geraint J. and Kaufmann D. (2000). Seize the State, Seize the Day: An Empirical Analysis of State Capture and Corruption in Transition Economies. *Research Working Paper 2444*. World Bank, Washington, DC.

Jacobs A. (2005). A Matter of Trust: Cognition, Institutions and the Sources of Credible Commitment. *Research Working Paper*. Available at: <http://faculty.arts.ubc.ca/jacobs/Jacobs%20Matter%20of%20Trust%20APSA.pdf>.

North D. and Weingast B. (1996). Constitutions and Commitment: the Evolution of Institutions Governing Public Choice in 17 Century England / In Alston L., Eggertsson T. and North D. (eds.) Empirical Studies in Institutional Change. Cambridge University Press, pp. 134–166.

Riker W. and Sened I. (1991). A Political Theory of the Origin of Property Rights: Airport Slots. American Journal of Political Science, vol. 35, no. 4, pp. 122–148.

Robinson J. (1998). Theories Bad Policy. Journal of Political Reforms, vol. 3, pp. 1–46.

Weimer D. (ed.) (1997). The Political Economy of Property Rights. Institutional Change and Credibility in the Reforms of Centrally Planned Economics. Cambridge University Press.

Yakovlev E. and Zhuravskaya E. (2004). State Capture and Controlling Owners of Firms. Center for Economic and Financial Research. Working paper no. 44. Available at: <http://www.cefir.ru/index.php?l=rus&id=35&yf=2004>.

Приложение 1

Представители бизнеса в региональных законодательных собраниях СЗФО

Регион	Численность органа	Представители бизнеса		Крупный бизнес		Малый и средний	
		Число	%	Число	%	Число	%
Вологодская область	34	21	61,8	16	76	5	24
Республика Коми	30	17	56,7	11	64,7	6	35,3
Калининградская область	40	22	55	8	36,4	14	63,6
Архангельская область	62	33	53,2	21	63,6	12	36,4
Псковская область	44	23	52,3	13	56,5	10	43,5
Ленинградская область	50	25	50	20	80	5	20
Мурманская область	32	15	46,9	12	80	3	20
Новгородская область	26	12	46,2	10	83	2	17
Республика Карелия	50	23	46	16	70	7	30
Санкт-Петербург	50	20	40	8	40	12	60
Ненецкий АО	20	5	25	5	100	0	0
Итого по округу			50,3		67,8		32,2

* Даты избрания парламентов: Архангельская область – декабрь 2004; Ненецкий автономный округ – февраль 2005; Калининградская область – март 2006; Новгородская область, Республика Карелия – октябрь 2006; Вологодская, Ленинградская, Мурманская, Псковская области, Республика Коми, Санкт-Петербург – март 2007.